

Александр Хинт

Две миниатюры

Как прикажешь тебя понимать?

О существовании слова «оргазм» Харитонов узнал от Степана Петровича. А именно – он услышал его в качестве ответа на вопрос: «Как новая водка, Степа? Пробовал?».

Получив ответ, Харитонов немного помолчал. В жизни он уже сталкивался с неочевидным, а то и вовсе невероятным, так как успел поработать дворником. Однако, когда он посыпал тополиный пух солью, приговаривая «ты все равно у меня растаешь, тварь», ЖЭК решил расстаться с ценным сотрудником. Законы природы неумолимы, а делирий есть делирий, с ним шутки плохи.

Итак, Харитонов немного помолчал, переваривая услышанное. А не переварив, решил уточнить.

– Я про водку, Степа. А ты что сказал?

– Оргазм, говорю. Оглох, что ли, Харитонов?

Нет, не послышалось. Харитонов еще немного помолчал, пожевал губами ускользающие смыслы.

– Я тебя по-человечески спрашиваю, Степан Петрович. А ты мне: горгаз, горгаз... И кто из нас оглох?

– Да, извини, – сосед едва удерживал смех. – Ты не глухой, Харитонов. Ты тупой.

– Я тупой?! Сам-то хоть понимаешь, чего говоришь?

– Ну да, в целом. Понимаю.

– И чего? Растолкуй по сути.

– Ну оргазм... Слово такое.

– Ясен пень, слово! Но как прикажешь тебя понимать?
– Понимай как есть, Харитонов. Оргазм – это... типа, удовольствие.

– Тыфу ты, блин! (Харитонов сплюнул.) Что за странный народ эти люди? Обычное удовольствие, а столько крика. А гонору-то, гонору сколько!

– И сразу сказать, Степа, ты, конечно, не мог. Мол, водка как водка, получил удовольствие. Обязательно выеживаться? Просто удовольствие. И при чем тут твой керогаз?

– В том-то и дело, – Степан смотрел строго, – не просто удовольствие. А удовольствие большое, очень сильное удовольствие. Типа, наслаждение. Понял теперь?

Услышав «наслаждение», Харитонов и вовсе приуныл.

– Не томи меня, Степа. Какое еще, к хренам, наслаждение?

– Большое наслаждение. Как если восторг по всему телу происходит. У тебя был когда-либо восторг по всему телу, Харитонов?

Дворник автоматически ощупал большое колено, вспомнил некоторые другие свои органы. Кашлянул.

– Ладь, пусть по-твоему будет. Только скажи мне, на что это похоже?

– Оргазм?

– Ну да. Вот когда премию вдруг случайно дали? Похоже?

– Та не, сравнил... Тоже мне, премия.

– А когда с бодуна, а она уже под рукой, родимая, тут как тут? Можно сравнить?

– Вряд ли. Говорю тебе, ни с чем не сравнимое, – Степан Петрович мечтательно смотрел на облака. – Так говорят.

И вот этот мечтательный взгляд только подлил масло в огонь. В редкие часы просветления мозг Харитонова обладал незаурядной цепкостью, и это выделяло его из общей массы среднестатистических алкоголиков.

– Говорят, говоришь? Получается, сам тоже не знаешь, вякаешь чего-то, а не понимаешь чего. Где ты вообще такое слово взял?

– Оргазм? Если честно, в трамвае услышал.

– Хех! – Харитонов мелко засмеялся. – В трамвае, ты понял! Да мало чего там болтают бабы с кошелками.

– Не, не бабы, молодые девки были. Оргазм чисто улет, говорят, и тоже ржут. Но не так дебилно, как ты. Супер, кайф, просто оргазм, говорят, и все такое.

– Ну ты даешь, – Харитонов жалостливо смотрел на соседа. – И вроде не дурак ты, Степан Петрович, на первый взгляд. А молодежь – это что такое? Она в жизни ничего не понимает, потому что молодая.

– А ты, Харитонов, когда молодой был, понимал?

– Ни фига я не понимал, Степа, – Харитонов помолчал. – А сейчас понимаю еще меньше. Я не понимаю, ты не понимаешь. Может, есть кто поумнее, а? Который знает?

И тут раздался голос свыше. То Маргарита Иосифовна, соседка Степана по коммунальной квартире, вышла на балкон развеять белье. Маргарита была безмужняя и напевала нечто игривое из «Волшебной флейты».

– А вот надо бы поинтересоваться... – вполголоса начал Харитонов.

– Не вздумай, – Степан Петрович шипел.

– Да ладно, Степа. Она же этот, культурный работник. Ну и должна культуру в массы. А мы вежливо, с целью багажа знаний, так сказать.

– Харитонов, твою мать...

– Ша, тихо. Счас все пимпочки по тютелькам расставим, ты только мне моральное плечо подставь.

Маргарита закончила «Флейту» и принялась что-то мурлыкать из «Лючии ди Ламмермур». Харитонов откашлялся.

– Добрый день, Маргарита Иосифовна!

– И вам не хворать, – Маргарита с трудом переносила эту парочку, но приличия соблюдала.

– Прекрасный денек сегодня, – Харитонов резво взялся наводить мосты.

– Да, погода чудная, – журчала Маргарита. – Но денег не дам, даже не мечтайте.

– Та вы шо, какие деньги? – Харитонов был рад, что завязывается беседа. – Вы же умная и интеллигентная женщина.

– Не подлизывайся.

– Я вам точно говорю! Тут у нас спор вышел, и надо мнение очень много человека.

– Знаю ваши споры. Чем лучше похмеляться с утра.

– Та бог с вами, Маргарита Иосифовна! Я так вообще в завязке. Да, Степан?

Степан Петрович все время сидел хмуро, периодически порывался уйти, но Харитонов его удерживал, подмигивал – мол, нормально! Счас все узнаем.

– Так вот, надо нам спор наш разрешить. И кто же лучше вас это сделает, Маргарита Иосифовна?

Маргарита поставила «Лючию ди Ламмермур» на паузу иглянула с балкона вниз.

– Ой, говори уже. Что за спор у вас?

– Вопрос интересный один. Короче, поспорили мы с соседом вашим, Степаном... Поспорили с ним...

– Не тяни, ирод. О чем спорили?

– Спорили... Знаете ли вы, Маргарита Иосифовна, что такое эрот... Ор-газм.

Тишину, что воцарилась, вполне можно было назвать гробовой. Как писал поэт, не слышно птиц, бессмертник не цветет, и только в соседнем флигеле у инвалида третьей группы Горенштейна потрескивают суставы. Тишина была крошечная, особая тишина. Тишина была такая, что даже коты понимали: мир никогда уже не будет прежним.

И вдруг, подобно выстрелу, раздался сочный звук. С высоты третьего этажа великолепный плевок, описав параболу, по математически точной траектории вонзился в землю ровно между Харитоновым и Степаном Петровичем. После чего грохнула балконная дверь.

– Степа, э-э... Мне кажется, она знает это слово.

– Ну ты и поц, Харитонов, – ласково заметил Степан. – Она же меня теперь в квартиру не пустит.

После чего Харитонов быстро засобирился на улицу, даже кепку надел. «Ты не грусти, Степа, все утрамбуется. А я за новой водочкой, надо же и мне испытать это... Высшее наслаждение».

И Степан Петрович остался один. В кронах уже неконтролируемо зеленело раннее лето. Окно на третьем этаже было широко распахнуто, оттуда доносились переливы Шуберта.

Руки помнят

Степан Петрович сидел во дворе и с отвращением курил. Неподалеку Харитонов чистил картошку. Харитонов был алкоголик в третьем поколении и бывший дворник, из ЖЭКа его уволили в связи с утратой доверия. «А ведь он ее жарить будет, – подумал Степан Петрович. – Не, ты только глянь, как наяривает, поганец! Интересно, откуда у него масло?»

– Неправильно чистишь, – Степан выпустил длинную токсичную струйку и сплюнул под ноги.

– Ага, неправильно, – среагировал Харитонов. – Тоже спец великий, картофельный папа.

– Неправильно, да. Ты верь мне, Харитонов, я знаю.

– Знает он, мать его. Че ты знаешь?

– Знаю. Картошку надо чистить бережно, обхаживать надо. Как женщину раздеваешь, тоненько-тоненько. Ты когда-нибудь раздевал женщину, Харитонов?

Лицо экс-дворника застыло от столь чудовищного предположения. Нож плюхнулся в миску с водой.

– Ты чего прикопался? Сидит и вякает, настроение портит. Моя картошка, чищу как хочу.

– Просто обидно, когда неправильно чистят. Ее тоненько надо, а ты строгаешь, как папа Карло, от себя. Это же картошка, Харитонов. Картошка, а не деревянный мальчик с перчиком.

– Ага. А ты большой хавец в этом, да? Шаришь так, что нехрен делать?

– Представь себе, – в голове Степана давно уже созрел план. – Я любую картофелину сделаю, не отрывая ножа. Чисто, в одну стружку.

– Ты? – сосед заквакал от смеха.

– Смейся. Здесь, при тебе почищу, на спор.

– Не отрывая нож?

– Так точно. В одну стружку.

Харитонов секунд десять тяжело смотрел на оппонента.

– Не сделаешь.

– Сделаю. На что мажем?

– На пузырь, ясно дело. Но не сделаешь ты.

– Значит так, – Степан выдержал паузу. – Если сделаю, ты ее всю пожаришь. Половину жареной – мне. Ну и бутылка, конечно, за твой счет.

– Ага, – Харитонов ослабился. – А если нет – пузырь за твой счет. И ты приносишь его сразу, Степа, а не через год. А сам идешь нахрен. Годится так?

– Забили.

В душе Степана Петровича играл кубинский оркестр. Он степенно подошел к Харитонову, осмотрел инвентарь. Нож он обозвал каменным веком и пару минут правил его о железную ножку стола. Потянулся за картошкой.

– Не, фраерок, так не идет, – Харитонов нехорошо улыбался.

– Че не идет?

– Ты говорил, «любую картошку», так?

– Допустим, – Степан оценил коварство соседа.

– На вот, держи любую.

Это был чудовищный корнеплод, о трех головах, исчадие полей и огородов. С рытвинами, ухабами и загогулинами по всему телу. Степан, однако, спокойно осмотрел уродца со всех сторон. И кивнул головой. Торжественно поднес нож: «Учись, дядя».

Харитонов, не мигая, смотрел на кожицу, что медленно выползала из-под ножа неприятеля. Он не верил глазам: рытвины, ухабы и тем паче загогулины не производили на соседа никакого впечатления.

– Где это так насобачился? – проблеял он.

– Десантура рулит! – ликовал Степан, который в армии все два года провел на кухне. – Руки-то помнят, а? Помнят руки!

Харитонов выхаживал по дворику, как раненый енок в клетке. Он чуял, пахнет жареным. Серпантин уже свисал с уродливой картошки сантиметров на сорок, до катастрофы оставалось совсем чуть-чуть.

– Не ссы, Харитонов, – куражился Степан, – не ссы в компот. Масло-то хоть есть у тебя?

И тут случилось то, что в традиции античного театра принято называть «deus ex machina». Резко грохнула дверь парадного и во дворик влетел тайфун по имени «Маргарита Иосифовна».

Явление сопровождалось шорохом одежд, хозяйственных сумок, духами шестидесятых годов и роем дворовых кошек. «Кись-кись-кись, лапы вы мои», – подбадривала животных Маргарита. «О, расселись уже, упыри», – эту фразу она адресовала людям и без остановки проследовала к подъезду.

Зная Маргариту отнюдь не понаслышке, Степан инстинктивно вжал голову и на миг потерял концентрацию. И свершилось: длинная кожа, качнувшись, оборвалась, как пуповина, и рухнула в миску. На картофелине все еще оставался, желтел лоскуток... Небольшой, сантиметра три.

– Ага! – завопил Харитонов, выдавая невиданные инопланетные па. – Вот он, приговор суда небесного! В действии.

– Слушай, дед, ну так нечестно... Ты сам все видел, она же уже почти того...

– Ничего я не видел! Уговор у нас был, уговор?

– Ах ты, мерзкая старая сука, – бормотал обреченно Степан.

– Чего-чего?

– Ничего, это я про Маргариту. Вот всегда так, зараза, сама толком не живет и другим...

– Ближе к теме, Степа, уговор есть уговор. Али отказываешься?

– Да не отказываюсь я! Вот лажа-то какая, а... блин... Вот это жопа так жопа...

И он уже медленно двигался на выход, по направлению к магазину. А Харитонов искрился от облегчения и переливался всеми оттенками ликования. И приговаривал:

– Не бойсь, Степан Петрович, и тебе нальем. Звери мы, что ли? И картошечки сыпанем, не половину, конечно, но так, закусить будет... Чистишь ты ее знатно, просто талант у тебя...

А у дворового подъезда смиренно сидели коты. Они ждали Маргариту.

